

Академия наук Республики Татарстан
Марийский государственный университет

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (15)

2016

*Номер журнала посвящен
памяти известных российских археологов
О.В. Данилова, В.Н. Мартыанова и И.М. Петербургского*

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Федулов М.И. (Чебоксары, Россия), Соловьев Б.С. (Йошкар-Ола, Россия).*
Аблязовский курган (к вопросу о курганных могильниках
балановской культуры) 8
- Сапрыкина И.А., Кузьминых С.В., Пельгунова Л.А. (Москва, Россия).*
Исследование химического состава цветного металла
Ананьинского могильника 26
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).*
Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника 41
- Ставицкий В.В. (Пенза, Россия).*
Хронология арочных шумящих подвесок с конями 90
- Лецинская Н.А. (Ижевск, Россия).*
«Жертвенные комплексы» как элемент погребальных традиций
населения Вятского края в раннем средневековье 102
- Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия),
Федулов М.И. (Чебоксары, Россия).* Украшения Анаткасинского
могильника: о культурной принадлежности памятника 121
- Новиков А.В., Баранов В.С. (Кострома, Россия).* Городище Унорож:
предварительные итоги археологических работ 2014 г. 143
- Михеев А.В., Михеева А.И. (Йошкар-Ола, Россия).*
Носельское III селище по результатам исследований 2008 г. 169
- Волков А.В. (Чебоксары, Россия).* Погребальный обряд чувашей
и финно-угров (сопоставительный анализ) 182
- Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия), Павлова Н.А. (Москва, Россия).*
Об одном типе украшений марийского костюма XVI–XVIII вв. 191
- Данилов П.С. (Йошкар-Ола, Россия), Макарова Е.М. (Казань, Россия),
Блинова Д.С. (Йошкар-Ола, Россия).*
«Новокрещены» Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска:
историко-археологический и антропологический анализ 202
- Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. (Казань, Россия).*
О фортификации «Великого города» – Биляра 223

Заметки

<i>Воробьева Е.Е. (Йошкар-Ола, Россия), Федулов М.И. (Чебоксары, Россия).</i> «Большие Ключищи» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги	235
<i>Королева М.С. (Саранск, Россия).</i> Сумки из древнемордовских памятников VII–X вв.	249
<i>Гришаков В.В., Седьшев О.В., Любимкина Е.С. (Саранск, Россия).</i> Находки раннесредневековых ритуальных ложечек в Окско-Свияжском междуречье	256

Хроника

<i>Зеленеев Ю.А., Иванов А.Г., Сидоров О.А. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Памяти О.В. Данилова (1954–2014).....	266
<i>Вихляев В.И. (Саранск, Россия), Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия).</i> Памяти И.М. Петербургского (1937–2015).....	271
<i>Зеленеев Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия), Зеленцова О.В. (Москва, Россия).</i> Памяти В.Н. Мартъянова (1934–2015).....	275
<i>Ситдииков А.Г., Каримов И.Р. (Казань, Россия).</i> Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2015 г.	276
Список сокращений	291
Правила для авторов	293

*Issue of the journal is dedicated
to the memory of famous Russian archaeologists
O.V. Danilov, V.N. Martyanov and I.M. Peterburgsky*

CONTENTS

Articles

- Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation), Soloviev B.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).* Ablazovo Barrow (on the burial mounds of the Balanovo culture) 8
- Saprykina I.A., Kuz'minykh S.V., Pelgunova L.A. (Moscow, Russian Federation).* Analysis of Chemical Composition of Non-Ferrous Metal Items from the Ananyino Burial Ground 26
- Goldina R.D., Bernts V.A. (Izhevsk, Russian Federation).* Chronology of the 1st–2nd Century Graves from the Tarasovo Burial Ground 41
- Stavitsky V.V. (Penza, Russian Federation).*
The Chronology of the Arched Rustling Pendants with Horses 90
- Leshchinskaya N.A. (Izhevsk, Russian Federation).*
“Sacrificial Complexes” as an Element of Funerary Traditions of the Vyatka Population in the Early Middle Ages.....102
- Nikitina T.B., Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation).* Jewelry from the Anatkasi Burial Ground: Towards Cultural Attribution of the Site 121
- Novikov A.V., Baranov V.S. (Kostroma, Russian Federation).* The Unorozh Hillfort: Preliminary Results of Archaeological Activities in 2014 143
- Mikheev A.V., Mikheeva A.I. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).*
Nosely III Settlement by Results of Studies in 2008 169
- Volkov A.V. (Cheboksary, Russian Federation).* The Funerary Ceremony of the Chuvash and Finno-Ugric Peoples (a comparative study) 182
- Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Pavlova N.A. (Moscow, Russian Federation).* On One Type of Decoration of the Mari Costume in the 16th – 18th Centuries 191
- Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Makarova E.M. (Kazan, Russian Federation), Blinova D.S. (Yoshkar-ola, Russian Federation).* The “Neophytes” from the Vkhodoierusalimskii Necropolis in Tsarevokokshaisk: historical, archaeological and anthropological analysis.....202
- Gubaidullin A.M., Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation).*
On Fortification of “The Great City” of Bilyar.....223

Notes

<i>Vorobeva E.E. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Fedulov M.I. (Cheboksary, Russian Federation). “Bolshie Klyuchishi” (Ulyanovsk Oblast) as a New Archaeological Complex: Preliminary Results .....</i>	235
<i>Korolyova M.S. (Saransk, Russian Federation). Purses from Ancient Mordovian Sites of the 7th – 10th Centuries .....</i>	249
<i>Grishakov V.V., Sedishev O.V., Lyubimkina E.S. (Saransk, Russian Federation). Findings of Ritual Spoons of the Early Middle Ages in the Oka-Sviyaga Interfluve .....</i>	256

Chronicle

<i>Zeleneev Yu.A., Ivanov A.G., Sidorov O.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Ad Memoriam O.V. Danilov (1954–2014) .....</i>	266
<i>Vikhlyaev V.I. (Saransk, Russian Federation), Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Ad Memoriam I.M. Peterburgsky (1937–2015) .....</i>	271
<i>Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Zelentsova O.V. (Moscow, Russian Federation). Ad Memoriam V.N. Martyanov (1934–2015) .....</i>	275
<i>Sitdikov A.G., Karimov I.R. (Kazan, Russian Federation). Key Results of Scientific Activities of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 2015 .....</i>	276
List of abbreviations	291
Submissions.....	293

УДК 904:393(470.342)«653»(045)

**«ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ» КАК ЭЛЕМЕНТ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ ВЯТСКОГО КРАЯ
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ¹**

© 2016 г. Н.А. Лещинская

Исследуются «жертвенные комплексы» из погребений вятских могильников VI–VIII вв., раннего этапа еманаевской культуры. Представлены основные характеристики «жертвенных комплексов»: частота встречаемости, соотношение со способом захоронения, количество в погребениях, состав наборов, тип контейнера, местоположение в погребении, антропологические данные, семантическая составляющая. Проводится сравнительное сопоставление погребений с «жертвенными комплексами» с вятскими памятниками предшествующего пьяноборского периода и синхронными памятниками древнепермского и поволжско-финского ареалов.

Ключевые слова: археология, бассейн р. Вятки, раннее средневековье, еманаевская культура, могильники, погребальный обряд, «жертвенные комплексы»

На страницах журнала «Поволжская археология» № 1 за 2014 г. были опубликованы результаты изучения жертвенных комплексов пьяноборских могильников конца I–V вв. н.э. бассейна р. Вятки (Лещинская, 2014). В данной статье предпринимается попытка проследить эволюцию этого элемента древней погребальной практики на материалах раннесредневековых некрополей Вятского края.

В VI–IX вв. археологические памятники, наследующие постазелинские позднепьяноборские традиции объединены в еманаевскую археологическую культуру (Голдина, 1987; 1999), территориально охватывающую бассейн р. Вятки, с право- и левобережными притоками, верхья рр. Большой, Малой Кокшаги и Илети – левобережных притоков

марийского течения р. Волги. Погребальных памятников еманаевской культуры известно немного (рис. 1): это Тат-Боярский могильник VI–VIII вв. в бассейне р. Лобань, правом притоке р. Кильмезь, левого притока р. Вятки (Голдина, 1988; Лещинская, 1990); Концовский могильник VI–VII вв. на правобережье среднего течения р. Вятки (Стефанова, 1982; Иванова, 1988); несколько погребений из крупного, но разрушенного Шор-Унжинского могильника VI–VII вв. в бассейне р. Илеть, левого притока р. Волги (Никитина, 1999). К этому же хронологическому периоду культуры относится коллекция украшений, собранная около д. Антонково в окрестностях г. Уржума и происходящая, скорее всего, из разрушенного мо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг. Проект (НИР) № 2174: Этносы и культуры Прикамья в древности и средневековье: в парадигме историко-археологического наследия.

гильника (хранится в фондах Кировского областного краеведческого музея). В конце еманаевской культуры и на стыке с вятской кочергинской археологической культурой X–XI вв. функционировали Юмский, Лопьяльский могильники VIII–X, Кочергинский некрополь IX–XI вв., есть небольшие материалы из разрушенного Вятского могильника VIII–IX вв.

В статье анализируются материалы раннего этапа еманаевской культуры. Возможностью для анализа погребальной обрядности обладает выборка из 90 погребений трех некрополей: Тат-Боярского, Концовского, Шор-Унжинского могильников. Жертвенные комплексы не выявлены в шор-унжинских погребениях и зафиксированы в 6 погребениях вятских могильников: 5 погребений Тат-Боярского могильника, что составляет 9,3% (показатель исчисления – 54 погребения) и одного погребения Концовского могильника – 3,3% (показатель исчисления – 30 погребений) (табл. 1). В целом, учитывая только вятские некрополи, степень встречаемости жертвенных комплексов в раннем средневековье составляет 7,2%, с учетом погребений Шор-Унжинского могильника этот показатель будет 6,7%. Если сравнить эти показатели с данными о встречаемости жертвенных комплексов в пьяноборских погребениях Вятки в разные хронологические периоды, то зафиксированная тенденция роста показателя встречаемости жертвенных комплексов от конца II в. к первой половине V в. (Лещинская, 2014, с. 93) сохраняется и в раннем средневековье: 4,6% – вятские пьяноборские памятники, 6,7%–7,2% – вятские раннесредневековые могильники. Интересны и сопоставления

данных по отдельным пьяноборским и средневековым памятникам в локально-территориальных группах бассейна р. Вятки. На Средней Вятке невысокий процент встречаемости жертвенных комплексов в погребениях проявляет как пьяноборский Первомайский могильник (1,3%), так и раннесредневековый Концовский могильник (3,3%). В группе археологических памятников Нижней Вятки иная картина: здесь и в пьяноборское время, и в раннее средневековье зафиксированы близкие и более высокие показатели встречаемости жертвенных комплексов: Тюм-Тюмский могильник IV–V вв.: 9%; Суворовский могильник IV в.: 6,5%; Тат-Боярский могильник VI–VIII вв.: 9,3%.

Рассматривая аналогии с другими этнокультурными территориями древнепермского ареала эпохи средневековья, стоит, прежде всего, обратить внимание на Варнинский могильник конца IV–Xв. в бассейне р. Чепцы, с которым вятские могильники имеют определенные параллели в материальной культуре, в керамических комплексах и в элементах погребальной обрядности. В камско-вятской археологии достаточно давно утвердилось положение об участии вятского населения в генезисе полемской культуры раннего средневековья на Чепце (Семенов, 1982; 1989; Голдина, 1999; Лещинская, 1997; Лещинская, 2002; Иванов, 1998). Сравнивая вятские могильники с Варнинским некрополем по степени встречаемости жертвенных комплексов, следует отметить, что этот элемент погребальной обрядности выражен на чепецком памятнике более ярко. Среди 304 грунтовых захоронений Варнинского могильника (взята опубликованная часть памятни-

ка) (Семенов, 1980) не менее чем в 70 погребениях зафиксированы жертвенные комплексы (Семенов, 1980, прил. 2) – цифра эта несколько условна, так как включает меньше погребений с жертвенными комплексами, чем указано в Приложении 2 (не учитывались жертвенные комплексы с керамикой). При этом общий показатель встречаемости жертвенных комплексов на Варнинском могильнике составляет $\approx 23\%$. Если обратиться к хронологии варнинских погребений с жертвенными комплексами, то к VI–VII вв. можно отнести 10 погребений (Семенов, 1980, прил. 2: п.п. 70, 114, 130, 134, 210, 222, 232, 234, 236, 264). С учетом результатов хронологического анализа древностей полоумской культуры, проведенного Р.Д. Голдиной, которая отнесла к VI–VII вв. 40 захоронений Варнинского могильника из раскопок В.А. Семенова (Голдина, 2012, с. 400–401), степень встречаемости жертвенных комплексов в погребениях этого периода составляет 25%, что значительно выше вятских показателей.

Территориально близок к вятскому Тат-Боярскому могильнику единственный известный на сегодняшний день средневековый некрополь в Удмуртском Прикамье Петропавловский могильник VI–VII вв. (Семенов, 1976), который, несмотря на параллели в украшениях с вятскими погребальными наборами, жертвенных комплексов не содержит, что еще раз подтверждает неоднозначность его этнокультурной атрибуции.

В отличие от Петропавловского могильника сопоставимые показатели встречаемости жертвенных комплексов с вятскими некрополями имеет Бирский могильник бахмутинской культуры. Среди захоронений позд-

ней части памятника (взята опубликованная часть некрополя) 8 погребений V–VI вв. содержали жертвенные комплексы, что составляет 8,6% (показатель исчисления – 93) (Мажитов, 1968, табл. I), с тенденцией затухания этого элемента обряда в VII–VIII вв.

Обычай помещения части вещей в жертвенный комплекс фиксируется и на памятниках древнепермских археологических культур бассейна р. Камы и Европейского Северо-Востока. В неволинском Верх-Саинском могильнике основное количество погребений с жертвенными комплексами приходится на курганный могильник – 10 погребений VI в. (7,5% от общего количества подкурганых могил) и одно погребение VI в. с жертвенным комплексом зафиксировано в грунтовой части могильника среди двух захоронений с жертвенными комплексами VIII в. (в целом это 1,6% от общего количества грунтовых могил).² При исследовании верхокамского Аверинского II могильника в группе хронологически определенных погребений VI–VII вв. (26 погребений) жертвенный комплекс отмечен в п. 68 (Голдина, Кананин, 1989, с. 40, рис. 27, 66), что составляет не менее 4%. На ранних этапах формирования ванвиздинской археологической культуры Европейского Северо-Востока о степени встречаемости жертвенных комплексов в погребениях можно судить по могильнику Боргангъель, где они зафиксированы в 6 курганных захоронениях (14,3%, показатель исчисления – 42).

² Автор выражает свою признательность Р.Д. Голдиной, С.А. Перевозчиковой, Е.В. Голдиной, авторам готовящейся к печати монографии «Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи», за возможность использовать статистические данные по жертвенным комплексам памятника.

ления – 42 курганных захоронения) (Ашихмина, 1988, с. 12, рис. 2).

Расширяя ареал аналогий, стоит обратить внимание на средневековые могильники поволжско-финского круга памятников, для которых также характерно наличие жертвенных комплексов в погребениях. Сопоставления их с вятскими данными интересны с точки зрения географического положения бассейна р. Вятки как контактной зоны древнепермских и поволжско-финских племен. Жертвенные комплексы (или «дары», или «жертвенно-ритуальные комплексы») известны для многих средневековых могильников древней мордвы, муромы, марийцев, но для периода VI–VII вв. наиболее полная информация по характеристике жертвенных комплексов в научный оборот введена по рязано-окскому могильнику Кораблино (Белоцерковская, 1997). К периоду VI–VII вв. на памятнике отнесено 11 погребений с жертвенными комплексами – 11,1% от всех погребений этого времени, что существенно ниже показателя для IV–V вв. этого некрополя: 18 погребений – 40% (Белоцерковская, 1997, с. 22). При этом тенденция уменьшения степени встречаемости жертвенных комплексов в погребениях сохраняется до конца VII в. (Белоцерковская, 1997, с. 25). В рязано-окском Шатрищенском могильнике из 164 погребений жертвенные комплексы известны для 9 (5,5%) с практически равным количественным распределением погребений с дарами между IV–V вв. (3) и VII в. (4) (Белоцерковская, 1997, с. 24). Территориально наиболее близок к вятским могильникам поволжско-финский ветлужский Младший Ахмыловский некрополь VI–VII вв. Т.Б. Никитина выделяет на

памятнике три погребения с жертвенными комплексами (Никитина, 1999, с. 15), но, судя по описанию в двух погребениях (п.п. 115, 487), – это скопленные орудия труда, которое не всегда можно отнести к классическим жертвенным комплексам (подобные есть и в Тат-Боярском могильнике, но в статистике не учитывались). И только жертвенный комплекс в п. 738 наиболее соответствует параметрам «дара». Таким образом степень встречаемости жертвенных комплексов в Младшем Ахмыловском могильнике составляет 1,4% (1 погребение из 70). В близком ему Безводнинском могильнике конца V – начала VIII в. Ю.А. Красновым отмечено 8 погребений по обряду ингумации с расположением отдельных вещей вне костюмного комплекса и 2 скопления вещей в кенотафах (Краснов, 1980, с. 24, 32), что в целом составляет 5,9% (показатель исчисления – 169 погребений).

Таким образом, по показателю встречаемости жертвенных комплексов в погребениях вятские могильники, прежде всего Тат-Боярский некрополь, наибольшие параллели проявляют с памятниками древнепермской ойкумены, хотя не всегда это сравнение можно считать строго корректным, т.к. выбор памятников для сопоставления был ограничен объемом опубликованной информации о них.

Все захоронения с жертвенными комплексами на вятских могильниках совершены по обряду ингумации и только п. 33 Тат-Боярского могильника было кенотафом. Все погребения индивидуальные и содержат по 1 жертвенному комплексу, кроме п. 42 Тат-Боярского могильника, где зафиксировано 2 жертвенных комплекса.

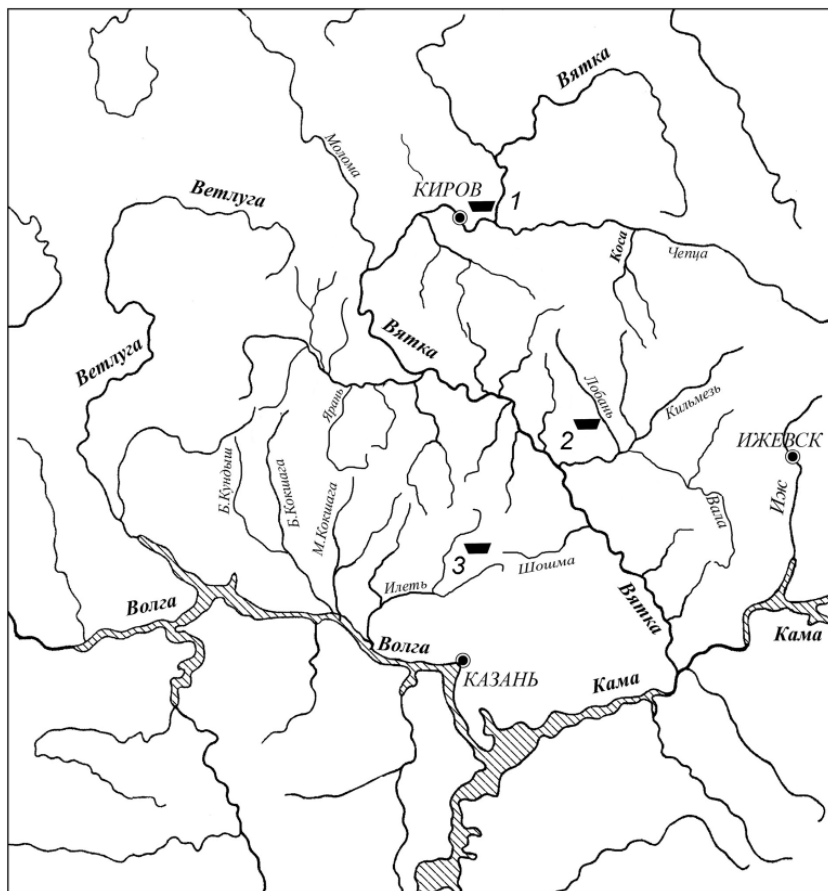

Рис. 1. Карта-схема локализации раннесредневековых могильников еманаевской археологической культуры, материалы которых использованы в статье:
1 – Концовский могильник, 2 – Тат-Боярский могильник,
3 – Шор-Унжинский могильник.

Fig. 1. Schematic map of the early medieval Emanaev culture burial grounds, which yielded materials used in this article: 1 – Konets burial ground, 2 – Tat-Boyary burial ground, 3 – Shor-Unzha burial ground.

Однако не исключена возможность, что это было парное захоронение, если принять во внимание значительную ширину могильной ямы – 143 см – и плохо фиксируемую западную продольную стенку.

Из 7 жертвенных комплексов для 4-х в качестве контейнера использовалась берестяная емкость (п.п. 11, 33, 37, 42 Тат-Боярского могильника), объем и форма которой зависели от состава жертвенного комплекса. В по-

гребении 33, судя по сохранившимся фрагментам крышки и дна, это был прямоугольной формы короб, размером около 40 x 20 см, высотой около 10–11 см. Такой же прямоугольный короб, размерами 35 x 30 см использовался для жертвенного комплекса №1 в погребении 42. По хорошо сохранившейся крышке короба со следами отверстий для крепления, соединение частей короба осуществлялось материалом из лыка, судя по зафик-

сированному фрагменту лыковых волокон с узелком. В погребении 37 – это была берестяная круглая коробочка диаметром 8 см, высотой около 3 см. Дно берестяных коробов выстилалось тканью (п. 37) или мехом (п. 42). Меховая подстилка зафиксирована под жертвенным комплексом №2 погребения 42, вероятно, в качестве самостоятельного типа контейнера. Жертвенный комплекс в погребении 16 обнаружен на фрагментах дерева, учитывая, что жертвенный комплекс здесь находился в специальной нише, это, скорее всего, были фрагменты деревянного контейнера (или только деревянной подстилки). Широкое использование берестяных контейнеров для жертвенных комплексов в раннесредневековых вятских могильниках – это развитие предшествующей пьяноборской традиции. Правда, в памятниках худяковской культуры вятского пьяноборья берестяные контейнеры представлены в большей вариации: коробочки, коробка, свертки, «кошели» в сочетании с кожей, мехом, тканью (Лецинская, 2014, табл. II). Да и в целом в это время встречается большее типологическое разнообразие контейнеров для жертвенных комплексов (хотя и в единичных случаях): свертки из луба, кожи, ткани; перевернутые эполетообразные застёжки. Некоторая стандартизация этого признака жертвенных комплексов в раннем средневековье на Вятке может объясняться небольшим количеством погребений с жертвенными комплексами, происходящих практически из одного памятника. Предпочтение в использовании берестяных контейнеров для жертвенных комплексов сближает вятские могильники, прежде всего, с памятниками древнепермского эт-

нокультурного ареала: в погребениях VI–VII вв. Варнинского могильника в 8 из 11 случаев зафиксированы берестяные сосуды (Семенов, 1980, прил. 1); большинство погребений этого времени с жертвенными комплексами Верх-Саинского неволинского могильника фиксируют фрагменты берестяных контейнеров. Такая же ситуация характерна для ванвиздинского могильника Боргангёль (Ашихмина, 1988, с. 12). Среди редких случаев фиксации контейнеров для жертвенных комплексов в поздних бирских захоронениях обнаружены фрагменты только берестяных коробов (п.п. 128, 138) (Мажитов, 1968, с. 103, 105). В этом отношении для поволжско-финских погребений с жертвенными комплексами исследуемого периода чаще отмечаются находки отдельно лежащих вещей без контейнера (Кораблинский, Шатрищенский, Безводнинский могильники) или свертки из луба в сочетании с тканью, кожей; завертывание в ткань (Кораблинский м-к), и только в единичных случаях встречаются берестяные коробка (Кораблинский, Шатрищенский, Безводнинский м-ки), деревянная шкатулка (Кораблинский м-к), сосуды (Кораблинский, Шатрищенский м-ки) (Белоцерковская, 1997, с. 21, табл. 1, 3).

Особенность Тат-Боярского могильника по признаку «местоположение жертвенного комплекса в погребении» – это сооружение специальных ниш для их размещения: из пяти погребений с жертвенными комплексами на памятнике ниши зафиксированы в трех случаях. Как правило, это ниши-выступы, обнаруженные на уровне фиксации могильной ямы, подпрямоугольной формы, размерами 65 x 25 см (п. 11), 75 x 43 см (п. 16), 58 x 34 см

Таблица 1

Характеристика жертвенных комплексов

Название могильника (общее кол-во погр.)	№ п.п.	Дата (вв.)	Пол, возраст	Обряд захоронения	Кол-во ЖК в погребении	Местоположение в погребении	Тип контейнера
Тат-Боярский могильник (54 погребения)	11	VII	М*	ингумация	1	Ниша	Берестяная емкость (во фрагментах)
	16	VI	М*	ингумация	1	Ниша	Деревянный контейнер? – подстилка?
	33	VIII	Ж*	кенотаф	1	Ниша	Берестяной короб
	37	VI	Ж., 40-50 л.	ингумация	1	За головой	Берестяная коробочка
	42	VII	М*	ингумация	2	В области груди (?), справа	Меховая подстилка
						В области груди (?), слева	Берестяной короб
Концовский могильник (30 погребений)	28	VI	М*	ингумация	1	В области ног	Не определен

* Половозрастная идентификация по характеру погребального инвентаря

(п. 33), устроенные в северо-западном углу ямы в области предполагаемой головы, справа (п. 11) или в продольной северо-западной стенке погребения в области предполагаемой груди и пояса, справа (п. 16). Оба погребения, судя по сопровождающему инвентарю, были мужскими и относились к VI–VII вв. Ниша-выступ в погребении-кенотафе 33 была устроена в продольной северо-восточной стенке, и жертвенный комплекс по составу находок предназначался женщине. Во всех нишах жертвенные комплексы располагались на уровне фиксации дна могилы.

Сам принцип устройства ниш в Тат-Боярском могильнике, вероятно, имеет корни в позднеазелинском этапе

пьяноборья. Небольшие ниши-подбои в придонной части были зафиксированы в вятском Суворовском могильнике (п. 30); в нижекамских азелинских могильниках: Нармонский (п. 6), Рождественский V (п. 266); на поволжских азелинских некрополях: Арзелянский (п. 8), Мари-Луговской (п. 40). Часть из них были пустыми (Суворовский м-к, п. 30; Арзелянский м-к, п. 8), в других нишах обнаружены жертвенные комплексы с набором женских украшений в берестяном коробе (Мари-Луговской м-к, п. 40) или бронзовые котелки (Нармонский м-к, п. 6; Рождественский V м-к, п. 266). Ниши в нижекамских погребениях сооружены в центре продольных сте-

нок, слева от костяков. В поволжском Мари-Луговском погребении 40 – в северо-восточном углу, скорее всего, в области ног, слева (Лещинская, 2014а, с. 16–17).

Из круга древнепермских погребальных памятников раннего средневековья устройство ниш для жертвенных комплексов зафиксировано только на Варнинском могильнике. К VI–VII вв. здесь относится погребение 236, с прямоугольной нишей, размерами 50 x 40 см, высотой 18,5 см, сооруженной в придонной части продольной стенки, слева, вероятно, в области ног. В нише располагался богатый по составу жертвенный комплекс, завернутый в мех и ткань и уложенный в берестяной сосуд (Семенов, 1980, с. 12, 45, рис. 9). В состав жертвенного комплекса входили шумящая подвеска, железные цепочки, подвески-«бельки», которые имеют прямые параллели в вятских погребениях VI–VII вв., что подтверждает правоту предположений автора раскопок Варнинского могильника о связи погребений с нишами и другими особенностями этих погребений с приходом на Чепцу групп вятского населения. Традиция устройства ниш сохраняется на Варнинском могильнике и в последующие хронологические этапы памятника. В целом вся небольшая выборка погребений с нишами локализуется на западном участке памятника, планиграфически подтверждая существование этнолокальной группы среди населения, оставившего данный некрополь (Семенов, 1980, с. 11–12).

Среди поволжско-финских раннесредневековых памятников только в наиболее территориально близком к вятским могильникам Младшем Ахмыловском некрополе комплекс ве-

шей, примыкающий к юго-восточному углу п. 738, вероятно, находился в нише-подбое (Никитина, 1999, с. 58, рис. 39).

Кроме специальных ниш в единичных случаях на вятских раннесредневековых могильниках жертвенные комплексы располагались: за головой (Тат-Боярский м-к, п. 37), в области предполагаемой груди, справа и слева (Тат-Боярский м-к, п. 42), и в области ног (Концовский м-к, п. 28). Такая небольшая выборка не позволяет провести корректное сравнение с памятниками других этнотерриторий.

Половозрастная характеристика захоронений с жертвенными комплексами в связи с плохой сохранностью костного материала основывается на особенностях погребального инвентаря. Антропологическое определение есть только для одного погребения (Тат-Боярский м-к, п. 37), где была захоронена женщина 40–50 лет. В целом из 6 захоронений с жертвенными комплексами четыре были мужскими, а два – женскими (табл. 1). В вятских погребальных памятниках первой половины I тыс. н.э. тенденция к появлению жертвенных комплексов в мужских захоронениях начинает оформляться с III в. (Лещинская, 2014, с. 101), но только в VI–VII вв. количество мужских погребений, сопровождаемых жертвенными комплексами, начинает преобладать. Близкое соотношение, с минимальным перевесом в сторону мужских жертвенных комплексов, характерно для грунтовых погребений VI–VII вв. Варнинского могильника (Семенов, 1980, прил. 2). Количественно преобладают мужские захоронения с жертвенными комплексами в поволжско-финских Кораблинском, Шатрищенском (Белоцерков-

ская, 1997, табл. 1, 3), Безводнинском (Краснов, 1980, с. 24, 32) могильниках. В отличие от них на древнепермских Верх-Саинском, Аверинском II, Боргантьель могильниках жертвенные комплексы коррелируются только с женскими захоронениями.

С половозрастными характеристиками напрямую связан и состав жертвенных комплексов (табл. 2). Для женских захоронений – это головные, шейно-нагрудные украшения костюма. Богатый по элементам женский жертвенный комплекс обнаружен в погребении-кенотафе Тат-Боярского могильника (п. 33). В берестяном коробе, лицевой частью вниз, плотно лежали многочисленные украшения, фрагменты ткани, меха. Под крышкой (рис. 3: 1) находился свернутый кожаный пояс (рис. 3: 2 а, 3) с бронзовыми накладками (рис. 3: 3 в), пряжкой (рис. 3: 3 б), наконечником ремня (рис. 3: 3 г) и нагрудник из тонких серебряных пластин, полусферических бляшек, закрепленных на тканой, кожаной и деревянной основах с узким кожаным ремешком для подвешивания (рис. 3: 2 б, 4). Под ними обнаружено нагрудное украшение из 10 крупных серебряных подвесок, скрепленных кожаным ремешком (рис. 4: 1 а, б), кожаный кошелек с серебряной обкладкой (рис. 4: 1 в), составное украшение из кожаных ремешков с нанизанными бронзовыми пронизками-обоймочками и привесками – бронзовыми рожковыми пронизками и раковинами-каури (рис. 4: 1 г). Под украшениями находились фрагменты тканевых и кожаных изделий, полностью которые реконструировать не представляется возможным. Среди них «веревочный» жгут, обмотанный тканевой тесьмой (рис. 4: 2 а). С ним связаны тканевые

пояски различной ширины, украшенные бронзовыми пронизками (рис. 4: 2 б). Здесь же лежали 3 конические бронзовые подвески (рис. 4: 2 в). Все вместе, вероятно, относилось к головному убору. Еще ниже находился тканевый мешочек? (рис. 4: 3 а), на нем тканевые полосы разных цветов (рис. 4: 3 б), фрагменты меха (рис. 4: 3 в), пояс? из узких кожаных полос, некоторые из которых были сшиты между собой (рис. 4: 3 г). На самом дне берестяного короба (рис. 4: 4 в) лежали многочисленные узкие тканевые ленты (рис. 4: 4 а) и фрагменты кожаного пояса (рис. 4: 4 б). Женский жертвенный комплекс из п. 37 Тат-Боярского могильника состоял из кожаного пояса с бляшками, вероятно, налобного венчика – как дополнительного элемента к головному убору костюмного комплекса погребенной. Таким образом, женские жертвенные комплексы – это часть костюмного комплекта самой умершей.

В набор мужских жертвенных комплексов вятских захоронений входили, чаще всего, орудия труда: скобель, ложкарь, малая коса, шило; иногда – железный наконечник копья, удила. Как правило, они дополнялись бронзовыми браслетами, фрагментами бронзовых пронизей, гривной, элементами поясной гарнитуры, которые, скорее всего, можно рассматривать как набор металлической пластики мужского костюмного комплекта (рис. 5).

Другую семантическую нагрузку несли наборы женских украшений в мужских захоронениях. Так, с наибольшей вероятностью в мужском п. 28 Концовского могильника жертвенный комплекс содержал бронзовые бляхи-застежки, ажурные бляшки,

Таблица 2

Характеристика жертвенных комплексов по составу предметов

Пол	Мужские				Женские	
№ погребений	Т-Б 11	Т-Б 16	Т-Б 42	К 28	Т-Б 33	Т-Б 37
Датировка (в.)	VII	VI	VII	VI	VIII	VI
Элементы жертвенных комплексов:						
Наконечник копья	+					
Гривна	+		+			
Удила	+					
Браслеты	+			+		
Скобель	+	+				
Ложкарь	+					
Бронзовая пронизь и ее отдельные элементы		+		+		
Пряжки		+			+	
Накладки		+				
Коса		+				
Шило		+				
Серебряные бляхи			+			
Железное колечко				+		
Застежки					+	
Бляшки					+	
Шумящая подвеска					+	
Наконечник пояса					+	
Нагрудник						+
Пояс: накладки, пряжка, наконечник ремня						+
Нагрудное украшение из подвесок-«бельков»						+
Кошелек						+
Шумящая пронизь						+
Фрагменты ткани, кожи, меха от изделий						+
Подвески						+
Кожаный пояс с бляшками (налобный венчик?)						+

Т-Б – Тат-Боярский м-к; К – Концовский м-к.

шумящую подвеску – традиционные элементы женского костюма. Возможно, женским по набору вещей можно считать один из жертвенных комплексов в п. 42 Тат-Боярского могильника, содержащий в берестяном коробе гривну и 2 серебряные бляхи, под которыми зафиксированы фрагменты тонко выделанной кожи со следами швов и полоски меха. Во всех этих случаях есть аргументы рассматривать помещение женских вещей в мужские погребения как своеобразный поминальный дар со стороны женщины. Истоки традиции помещения женских вещей в мужские погребения вятских могильников проявляются наиболее четко в позднеазелинском Тюм-Тюмском могильнике (Лещинская, 2014, с. 103). Из круга памятников других локальных вариантов пьяноборской культурно-исторической общности наиболее ярко это фиксирует группа мужских (по антропологическим определениям) погребений среднекамского Тарасовского могильника, в которых обнаружены женские по набору (чаще всего, височные подвески, бусы, бисер) жертвенные комплексы (Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, илл. 60). В середине I тыс. н.э. подобное явление характерно для мужских захоронений с жертвенными комплексами V–VI в. Бирского могильника (п.п. 77, 81) (Мажитов, 1968, с. 95–97). Женский набор вещей (преобладают головные, шейно-нагрудные украшения) традиционен для мужских погребений с жертвенными комплексами VI–VII в. Варнинского могильника (Семенов, 1980, прил. 1). Это явление отмечается для поволжско-финских могильников раннего средневековья, особенностью жертвенных комплексов в

мужских захоронениях которых в отличие от древнепермских некрополей является меньшее количественное и качественное разнообразие состава жертвенных комплексов, вплоть до «символического» присутствия только одного предмета (Белоцерковская, 1997, с. 24; Краснов, 1980, с. 24). В целом по признаку «состав жертвенного комплекса» раннесредневековые вятские погребения продолжают позднепьяноборские традиции погребального ритуала. Женские захоронения сопровождают жертвенные комплексы с дополнительными комплектами украшений и частей одежды. Жертвенные комплексы в погребениях мужчин, как правило, содержали орудия труда (редко оружие), металлические детали костюма. Находки женских по составу жертвенных комплексов в мужских захоронениях связаны с поминально-дарственными обрядовыми действиями. В социальном измерении погребения с жертвенными комплексами говорят об определенной статусности умерших. На это может указывать глубина захоронений. Для мужских захоронений Тат-Боярского могильника наиболее часто фиксируемые показатели глубин лежат в пределах 105–140 см, погребения с жертвенными комплексами имеют глубину 140, 145, 177 см. Чаще фиксируемый диапазон глубин женских захоронений этого могильника: 85–117 см, глубина погребений с жертвенными комплексами: 117, 140 см. Наиболее характерная глубина погребений Концовского могильника: до 55 см, мужское погребение с жертвенным комплексом (п. 28) имеет глубину 63 см. Женские захоронения с жертвенными комплексами сопровождаются выразительной металли-

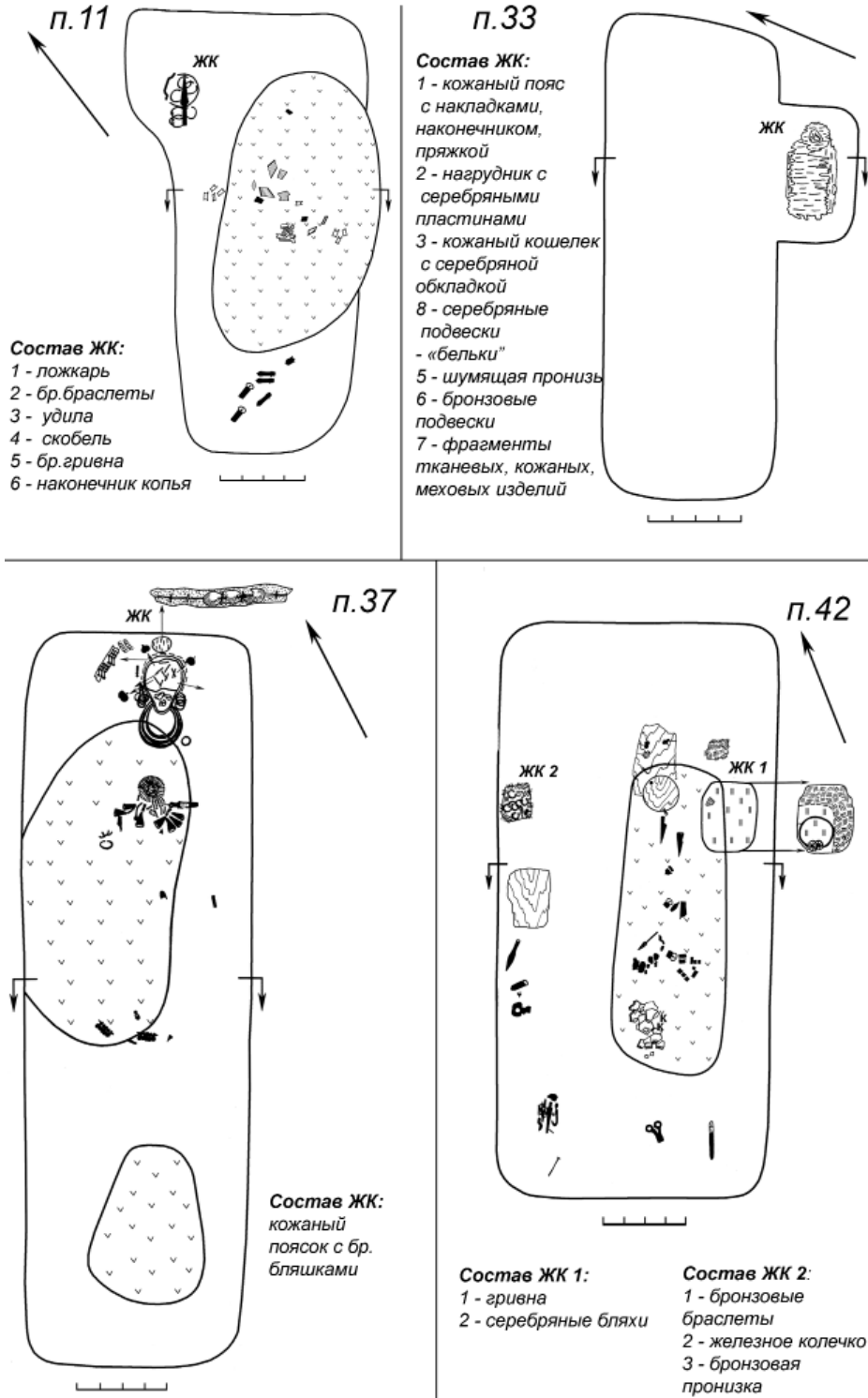

Рис. 2. Тат-Боярский могильник. Погребения с жертвенными комплексами.

Fig. 2. Tat-Boiyary burial ground. Burials with sacrificial complexes.

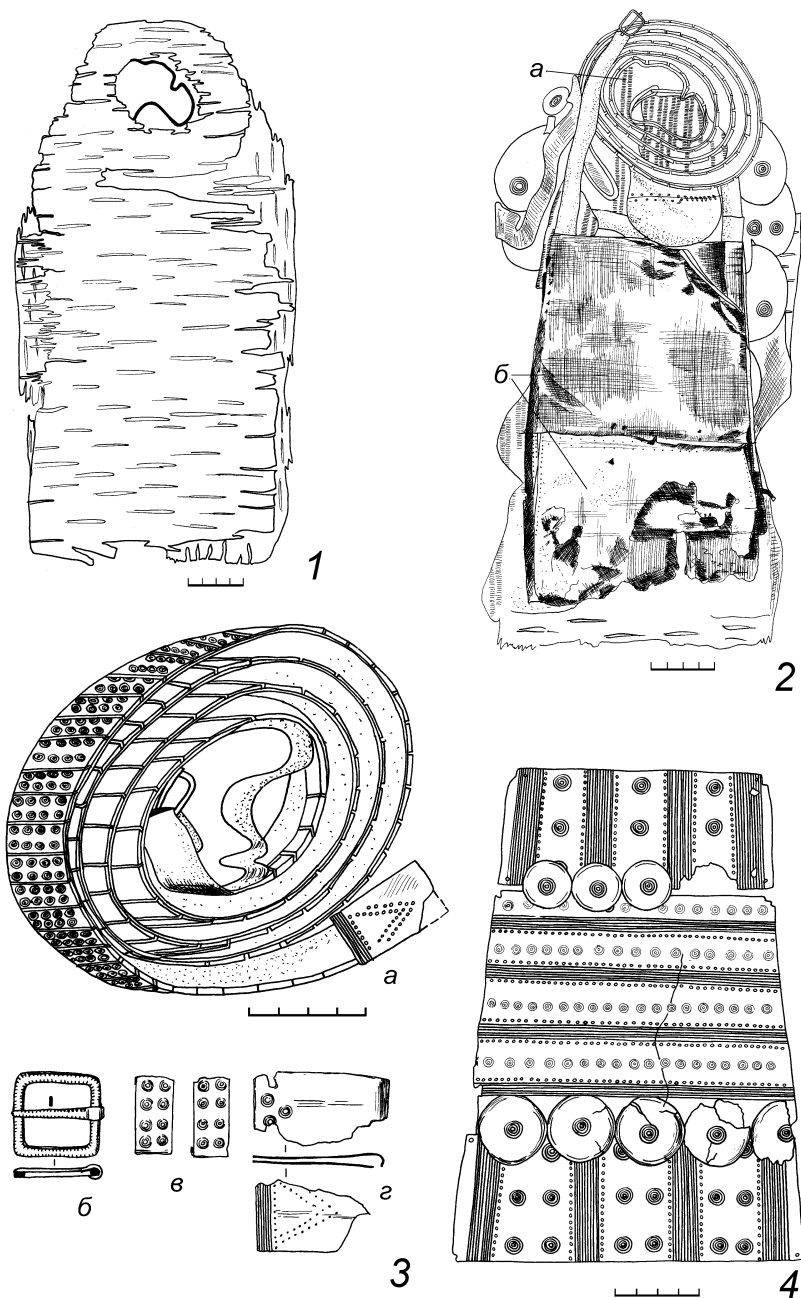

Рис. 3. Тат-Боярский могильник. Погребение 33. Жертвенный комплекс: 1 – крышка берестяного корба; 2а – свернутый кожаный пояс, 2б – нагрудник с внутренней стороны; 3 – детали пояса: а – общий вид, б – бронзовая пряжка, в – бронзовые накладки, г – бронзовый наконечник ремня; 4 – серебряные пластины и бляшки нагрудника.

Fig. 3. Tat-Boyar burial ground. Grave 33. Sacrificial complex: 1 – lid of a birch bark basket; 2a – rolled up leather belt, 2б – haubergeon, the inner side; 3 – details of a belt: а – general view, б – bronze buckle, в – bronze onlays, г – bronze tip of a belt; 4 – silver plates and plaques of a haubergeon.

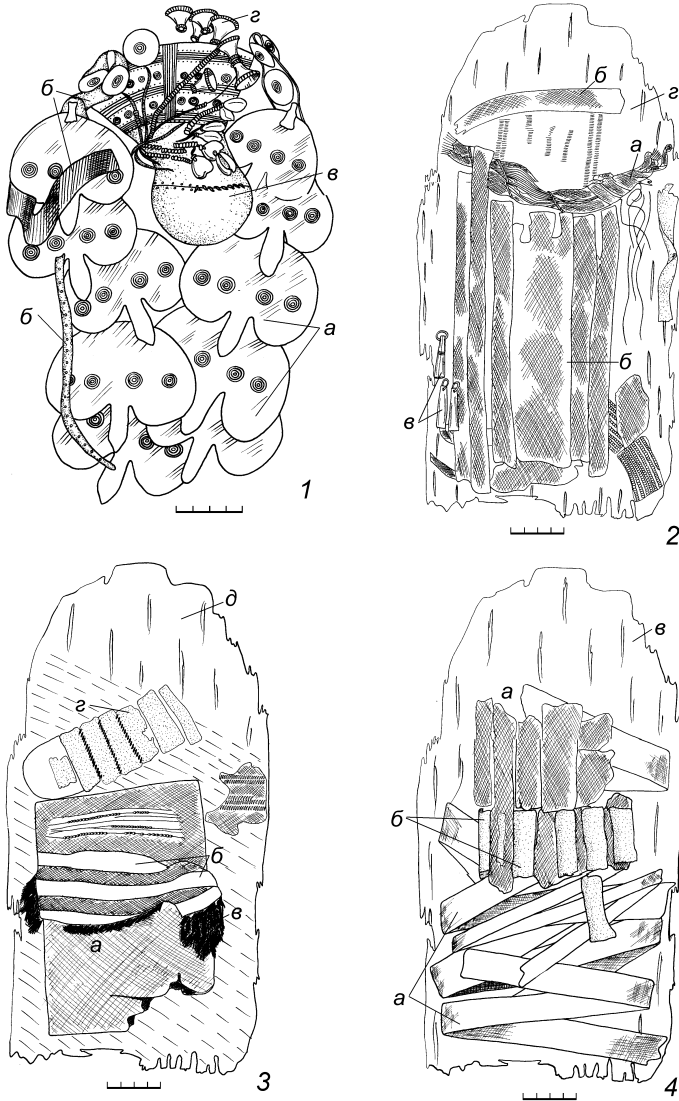

Рис. 4. Тат-Боярский могильник. Погребение 33. Жертвенный комплекс: 1а – серебряные подвески, 1б – кожаные ремешки, 1в – кожаный кошелек с серебряной обкладкой, 1г – составное украшение: ремешки с бронзовыми пронизками, привесками из бронзовых рожковых пронизок, раковин-каури; 2а – «веревочный» жгут, 2б – тканевые пояски с фрагментами бронзовых пронизок, 2в – бронзовые конические подвески, 2г – днище берестяного короба; 3а – тканевый мешочек?, 3б – тканевые полоски, 3в – фрагменты меха, 3г – кожаный пояс?, 3д – днище короба; 4а – тканевые пояски, 4б – фрагмент кожаного пояса?, 4в – днище короба.

Fig. 4. Tat-Boary burial ground. Grave 33. Sacrificial complex: 1a – silver pendants, 1б – leather straps, 1в – leather purse with silver coating, 1г – composed adornment: straps with bronze beads and strings of bronze cornet beads, cowries; 2а – ‘twine’ binder, 2б – woven belts with fragments of bronze beads, 2в – conical bronze pendants, 2г – bottom of a birch bark basket; 3а – woven pouch?, 3б – woven strips, 3в – fragments of fur, 3г – leather belt?, 3д – bottom of a basket; 4а – woven belts, 4б – fragment of a leather belt?, 4в – bottom of a basket.

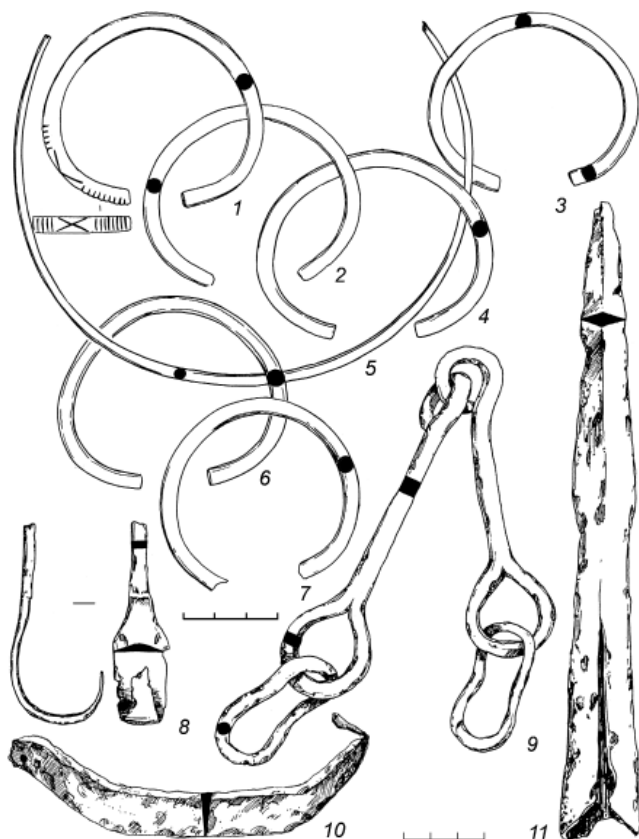

Рис. 5. Тат-Боярский могильник. Погребение 11. Жертвенный комплекс: 1–4, 6, 7 – бронзовые браслеты; 5 – бронзовая гривна; 8 – ложкарь; 9 – удила; 10 – скобель; 11 – наконечник копья.

Fig. 5. Tat-Boyar burial ground. Grave 11. Sacrificial complex: 1–4, 6, 7 – bronze bracelets; 5 – bronze grivna; 8 – spoon knife (lozhkar); 9 – bits; 10 – strickle; 11 – spear head.

ческой пластикой погребального костюма (Тат-Боярского м-к, п. 37) или богатым качественно и количественно самим жертвенным комплексом (символическое погребение 33 Тат-Боярского могильника). Подобное соотношение в мужских погребениях менее выражено: часть захоронений (п.п. 16, 42 Тат-Боярского м-ка) содержало значительное количество единиц погребального инвентаря, другие (п. 11 Тат-Боярского м-ка, п. 28 Концовского м-ка) при невыразительном наборе сопровождающего инвентаря содержали значительные жертвенные комплексы.

Резюмируя характеристику жертвенных комплексов погребений вятских могильников раннего средневековья, можно утверждать, что для

VI–VIII вв. наличие жертвенных комплексов – это устойчивый элемент погребальных традиций, наследующий основные черты с пьяноборского времени по признакам жертвенных комплексов и палитре семантических значений. Пожалуй, к специфике жертвенных комплексов этого периода можно отнести большую стандартизацию типа контейнера, более частое сооружение специальных ниш для жертвенных комплексов, отсутствие богатых воинских наборов в качестве жертвенного комплекса. Однако следует осознавать, что расширение источников может скорректировать в дальнейшем некоторые статистические и аналитические выводы, обозначенные в статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашихмина Л.И. Погребальный обряд курганного могильника Борганьёль // Научные доклады. Препринт. Сыктывкар: Коми научный центр УрОАН СССР, 1988. 21 с.
2. Белоцерковская И.В. Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды Государственного исторического музея. Вып. 93 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1997. С. 20–28.
3. Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1987. С. 6–36.
4. Голдина Р.Д. Отчет об археологических раскопках Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1988 г. Ижевск, 1989 / Архив ИИК-НПУдГУ. Ф. 2. Д. 273а.
5. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.
6. Голдина Р.Д. О датировке поломской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 399–414.
7. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 216 с.
8. Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III. Казань, Ижевск, 2015. 297 с.
9. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 309 с.
10. Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1988. С. 4–24.
11. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 223 с.
12. Лецинская Н.А. Отчет об археологических исследованиях Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1990 г. Ижевск, 1991 / Архив ИИКНПУдГУ. Ф. 2. Д. 303.
13. Лецинская Н.А. Взаимодействие населения Вятского бассейна с древними коми-пермяками в I тыс. н.э. // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы I Международной науч.-практ. конференции (Кудымкар, 26–27 мая 1995 г.). Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 1997. С. 143–145.
14. Лецинская Н.А. Этнокультурные связи населения бассейна р. Вятки в I тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции (Ижевск, 29–31 октября 2002 г.). Ижевск: Изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2002. С. 109–115.
15. Лецинская Н.А. «Жертвенные комплексы» пьяноборских могильников бассейна р. Вятки // Поволжская археология. 2014. №1. С. 92–113.
16. Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск, 2014а. 472 с.
17. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 161 с.
18. Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 1999. 160 с.

19. Семенов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1976. С.3–50.

20. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1980. С. 5–135.

21. Семенов В.А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 43–62.

22. Семенов В.А. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1989. С. 20–33.

23. Стефанова И.И. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР, 1982. С. 90–103.

Информация об авторе:

Лещинская Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

“SACRIFICIAL COMPLEXES” AS AN ELEMENT OF FUNERARY TRADITIONS OF THE VYATKA POPULATION IN THE EARLY MIDDLE AGES³

N.A. Leshchinskaya

The author studies “sacrificial complexes” from the graves in the Vyatka burial grounds dated by the 6th – 8th centuries, attributed to the early stage of the Emanaevo culture. Main features of the “sacrificial complexes” are described, such as: occurrence, correlation with the burial practice, their quantity in graves, grave goods, type of container, position in graves, anthropological characteristics and semantics. These data are compared with the Vyatka sites of the previous Pyany Bor period and synchronous sites from the ancient Perm and Volga-Finnish areas.

Keywords: archaeology, the Vyatka basin, Early Middle Ages, Emanaevo archaeological culture, burial grounds, funerary rite, “sacrificial complexes”

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I. 1988. *Pogrebal'nyi obriad kurgannogo mogil'nika Borgan"el' (Funerary Rite of the Borganyol' Barrow Cemetery)*. Series: Nauchnye doklady. Preprint (Scientific Papers: Preprint). Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

2. Belotserkovskaya, I. V. 1997. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 93. Moscow: State Historical Museum, 20–28 (in Russian).

³ The research is funded by the RF Ministry of Education and Science to implement the main part of the state assignment in science for 2014-2016. Project (НИР – Scientific Research Work) no. 2174: Ethnic Groups and Cultures of the Kama Region in the Antiquity and Middle Ages through the Paradigm of Historical-Archaeological Heritage.

3. Goldina, R. D. 1987. In Atamanov, M. G. (ed.). *Problemy etnogeneza udmurtov (Issues of the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Ustinov (Izhevsk): Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 6–36 (in Russian).
4. Goldina, R. D. 1989. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh Tat-Boiarskogo mogil'nika v Kil'mezskom raione Kirovskoi oblasti letom 1988 g. (Report on the Archaeological Excavations of the Tat-Boiary Burial Ground in the Kilmez' District, Kirov Oblast, Summer of 1988)*. Izhevsk. Archive of the Institute for History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 273 (in Russian).
5. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i sredneveковаia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
6. Goldina, R. D. 2012. In Goldina, R. D. (ed.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaja atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC — 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 399–414 (in Russian).
7. Goldina, R. D., Kananin, V. A. 1989. *Srednevekovye pamiatniki verkhov'ev Kamy (Medieval Sites in the Upper Kama Area)*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
8. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Funerary Rite of the Tarasovo Burial Ground of 1st–5th cc. AD in the Middle Kama Area)* III. Kazan; Izhevsk: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov; Udmurt State University (in Russian).
9. Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaiia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsya River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th — First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
10. Ivanova, M. G. 1988. In Ivanova, M. G. (ed.). *Novye issledovaniia po drevnei istorii Udmurtii (Recent Researches in the Ancient History of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 4–24 (in Russian).
11. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Leshchinskaya, N. A. 1991. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh Tat-Boiarskogo mogil'nika v Kil'mezskom raione Kirovskoi oblasti letom 1988 goda (Report on the Archaeological Excavations on the Tat-Boiary Burial Ground, Kil'mez' District, Kirov Region, Summer 1990)*. Izhevsk. Archive of the Institute for History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 303 (in Russian).
13. Leshchinskaya, N. A. 1997. In *Komi-permiaki i finno-ugorskii mir (Komi-Permyak People and the Finno-Ugric World)*. Kudymkar: "Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 143–145 (in Russian).
14. Leshchinskaya, N. A. 2002. In Goldina, R. D. (ed.). *Istoricheskie istoki, opyt vzaimodeistviia i toleranosti narodov Priural'ia (Historical Origins, an Experience of Interaction and Tolerance of Peoples in the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Institute of Economics and Public Administration of Udmurt State University, 109–115 (in Russian).
15. Leshchinskaya, N. A. 2014. In *Povolzhskaya arkhelogiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 92–113 (in Russian).
16. Leshchinskaya, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Epoch: on the Materials from Burial Sites of the 1st — 5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

17. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysyacheletiiia nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

18. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia naseleniia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) (History of the Inhabitants of the Mari Land in I Millennium AD: by Materials from Burial Grounds)*. Series: Proceedings of Mari Archaeological Expedition V. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Institute (in Russian).

19. Semenov, V. A. 1976. In Vladykin, V. E. (ed.). *Voprosy arkheologii Udmurtii (Issues of the Archaeology of Udmurtia)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 3–50 (in Russian).

20. Semenov, V. A. 1980. In Gening, V. F. (ed.). *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 5–135 (in Russian).

21. Semenov, V. A. 1982. In Atamanov, M. G. (ed.). *Materialy po etnogenezu udmurtov (Materials on the Ethnic Genesis of the Udmurt People)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 43–62 (in Russian).

22. Semenov, V. A. 1989. In Ivanova, M. G., Shutova, N. I. (eds.). *Novye issledovaniia po etnogenezu udmurtov (New Studies on the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 20–33 (in Russian).

23. Stefanova, I. I. 1982. In Ivanova, M. G. (ed.). *Srednevekoveye pamiatniki basseina r. Cheptsy (Medieval Sites in the Cheptsy River Basin)*. Izhevsk: Research Institute at the Council of Ministers of Udmurt ASSR, 90–103 (in Russian).

About the Author:

Leshchinskaya Nadezhda A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru